

INSPIRIA

НЕУКРОТИМЫЕ СЕРДЦА

18+

ДЖЕССИКА ПИТЕРСОН

Сурсак. Горячие ковбои. Джессика Питерсон

Джессика Питерсон
Неукротимые сердца

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Питерсон Д.

Неукротимые сердца / Д. Питерсон — «Эксмо»,
2024 — (Circake. Горячие ковбои. Джессика Питерсон)

ISBN 978-5-04-255716-3

Новый страстный роман от Джессики Питерсон, где дружба оборачивается любовью, притворство — искушением, а уроки соблазнения — настоящей игрой с огнём. Уайетт Риверс — воплощение мечты о связи без обязательств. Ковбой-сердцеед в шляпе Стетсон и облегающих Wrangler, он никогда не ночует дважды под одной крышей. Идеальный кандидат? Бесспорно. Если бы не одно «но»: Уайетт — мой лучший друг... Вернувшись ненадолго в родной Хартсвилль, я надеялась развеять скуку в объятиях местного ковбоя. Ходят слухи, что они не только лихо держатся в седле... Мы дружим с детства, и всё это время я тайно влюблена в Уайетта. Но он — дикий мустанг, которого не объездить, к тому же с репутацией ловеласа и лицом, сражающим наповал. И мне пришла в голову идея: почему бы моему лучшему другу не дать мне несколько уроков соблазнения? Он соглашается, и наша игра неожиданно перерастает из фальшивого флирта в подлинную страсть. И скажу вам: слухи несколько не преувеличивают. Теперь я мечтаю стать его последней победой. Но мой отъезд неотвратим, а его свободолюбивое сердце, кажется, не готово сдаться. Ковбоев не приручить. Но, как выясняется, сердца — тоже.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-255716-3

© Питерсон Д., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	7
1	18
2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Джессика Питерсон

Неукротимые сердца

© 2024 by Jessica Peterson

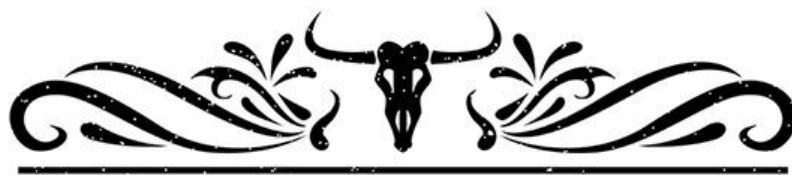
Cover art © Jenny Richardson

Фото автора Jessica Peterson credit Erin Bowman Photography

© Юркалова К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

*Для тех из вас, чьи сердца подобны диким лошадям. Не позволяйте себя обуздать.
(Но если ковбой захочет связать вас и показать, кто тут главный... что ж...)*

Пролог Уайетт Ковбои тоже плачут

Двенадцать лет назад

Те, кто вырос на ранчо, с детства знают, что жизнь – это азартная игра.

Ставить на то, когда наконец прольется дождь и встретятся ли на твоём пути гремучие змеи, – обычное дело. Каждый день ты полагаешься на удачу и надеешься, что на этот раз не ошибся с породой скота, не прогадал со временем и выбрал правильное пастбище. Всем сердцем веришь, что забота о земле и о животных, что живут на ней, и есть подлинная честь и доброта.

В глубине души ты понимаешь: все это – не более чем игра случая и небо может обрушиться на тебя в любой миг. И все же, когда беда заявляется на порог, ты оказываешься не готов встретиться с ней лицом к лицу.

– Этого не должно было случиться. – Тяжелая рука проповедника опускается мне на плечо. – Прими мои соболезнования, сын мой.

Оторвав глаза от своих ботинок, я сглатываю ком в горле и выдавливаю улыбку. Хотя мне и восемнадцать, но я до сих пор нуждаюсь в родителях. Я понятия не имею, как мы будем жить без них.

– Спасибо, преподобный Форд. Для нас ваши слова очень много значат.

Сколько сотен раз за эту неделю мы повторяли эту фразу, как попугаи, пока друзья и соседи приходили провести нас на ранчо нашей семьи? Сколько еще сотен раз нам придется повторять ее завтра, в день похорон родителей?

Старший брат, Кэш, перехватывает мой взгляд. Сидя на покосившемся диване рядом с тремя младшими братьями, он выглядит таким же потеряннным и опустошенным, как и я. В голове крутится одна-единственная мысль: вот сейчас мама прихватит какую-нибудь сладость, которую только что испекла, и заманит меня помогать на кухню, где из маленькой портативной колонки играет Шанайя Твейн... Но мамин голос больше никогда не раздастся в этом доме.

– Я уже не первый год твержу городскому совету, что необходимо улучшить освещение в центре города, – продолжает преподобный Форд. – Если вам, мальчики, что-то понадобится, дайте знать, хорошо?

– Да, сэр. Спасибо, что зашли.

– Это самое малое, что я могу сделать. – Он бросает взгляд на диван и качает головой, тяжело вздыхая. – Пятеро сирот. Боже мой...

– Мы справимся.

Когда преподобный Форд уже направляется к выходу, из кухни появляется тетя Лолли, мамина сестра, и сразу хмурится при виде меня.

– Уайетт, милый, тебе нужно поесть. Соседка принесла жареную курицу: выглядит очень аппетитно.

Мой желудок сжимается, а во рту появляется знакомый кислый привкус.

Пять дней назад мама и папа попали под колеса автомобиля. Они погибли на месте. Их сбил пожилой мужчина с просроченными правами, который к тому же забыл надеть очки, когда они переходили Мейн-стрит. В тот вечер родители, так редко выбиравшиеся куда-то вдвоем, в кои-то веки отправились на свидание, потому что к нам в гости приехала тетя Лолли из Калифорнии и предложила присмотреть за мной и моими братьями.

С тех пор как нам принесли эту страшную весть, сама мысль о еде тут же вызывает приступ тошноты. Но я изо всех сил держу на лице улыбку. Братья не сводят с меня глаз, и я отчетливо понимаю: стоит мне сломаться, и они тоже не выдержат.

Голова раскалывается от попыток усмирить одновременно гнев и агонию... Я стараюсь не обращать внимания на боль, но дышать почти невозможно из-за огромного кома, застрявшего в горле.

– Я в порядке. Спасибо, тетя Лолли.

– Милый, тебе нужны силы. Завтра нам предстоит долгий день.

– Она права, – добавляет Кэш. – Пожалуйста, Уайетт, поешь.

– Там осталось немного слоеного торта, который я испекла, – произносит Лолли.

Кэш кивает:

– И энчилада, которую принесла миссис Уоллес.

– Она очень вкусная, – замечает Дюк, и его голос срывается.

Нашим младшим братьям, близнецам Дюку и Райдеру, всего четырнадцать лет. Черт возьми, они слишком юны, чтобы лишиться родителей! Да мы все слишком молоды для такой потери...

Подступающие слезы жгут глаза и затуманивают зрение. Я моргаю, прогоняя их прочь.

– Это что, твой коварный план – сделать меня толще воскресной свиньи?

Райдер невольно усмехается. На мгновение тяжесть в груди чуть ослабевает, но тут же с новой силой давит на грудину, будто на меня опять свалилась тонна кирпичей.

– Пойду проверю, что там со скотом на переднем пастбище. Утром с оросительной системой были какие-то неполадки. – Я указываю большим пальцем через плечо. – Я на пару минут.

Лолли пристально смотрит на меня несколько долгих секунд.

– Далеко не уходи.

– Хорошо.

– И не влипни в неприятности! – кричит Кэш, пока я быстрым шагом направляюсь к двери.

– Обязательно влипну!

Теперь Райдер и Дюк оба смеются, и к ним присоединяется Сойер, который на два с половиной года младше меня. Вот и хорошо: после того ужаса, что обрушился на нас на этой неделе, они как никто заслуживают хоть крупицу радости.

Выйдя в теплый октябрьский вечер, я проверяю, закрылась ли за мной дверь, и тут же оседаю на корточки, жадно глотая ртом воздух, словно умирающий человек. По щекам катятся слезы.

В доме я буквально не могу дышать.

Всю неделю я медленно задыхался, вежливо приветствуя соседей, приносивших еду и соболезнования. Всю неделю пытался поднять настроение братьям – занимал их делами и старался рассмешить. Всю неделю притворялся, будто мама и папа никуда не ушли. Будто я не потерял наставника в лице отца – человека, обучившего меня всему, что мне сегодня известно!.. Будто папа просто уехал в город за кормом и вот-вот вернется. Будто мамино сердце не разорвалось в тот миг, когда ее сбила машина, летевшая со скоростью выше тридцати миль в час¹. Будто она просто ушла поливать сад, где в этом году выросли такие огромные тыквы...

Я запускаю руку за ворот рубашки и нащупываю тонкое золотое кольцо на цепочке. Это мамино обручальное кольцо: оно было в зип-пакете с ее вещами, который нам передали в больнице. Сам не знаю, почему я его забрал. Наверное, мне просто хотелось иметь при себе частичку ее, пусть и такую маленькую.

Кэш, самый умный из нас, без проблем поступил в колледж два года назад, когда окончил школу. А я? Я даже не подавал документы. Выпустился из школы в мае и с тех пор работаю ковбоем на ранчо «Риверс» с утра до вечера. Хотя, если честно, ковбоем я стал еще до того, как научился ходить. Ранчо принадлежит нашей семье больше ста лет, и я не представляю свою жизнь без него.

Но проблема в том, что я совершенно не понимаю, какое место мне здесь отведено. Кэш – прирожденный лидер, к тому же он получит образование, так что для меня всегда было очевидно: когда отец решит передать бразды правления, именно Кэш займет место управляющего и станет владельцем ранчо. Но что же тогда остается мне? Как я смогу вписать свое имя в наследие нашей семьи?

И что будет теперь, когда мамы и папы больше нет?

Я всегда восхищался умом и трудолюбием своих родителей – они стали для меня потрясающими наставниками. Всю жизнь они были моим ориентиром, и сейчас я так отчаянно скучаю по маме, что хочется орать во всю глотку!.. Все отмечали наше сходство – и во внешности, и в чертах характера. Мы оба были экстравертами, обожали вкусно поесть и зачитывались историями о Диком Западе. Однажды она принесла из библиотеки книгу Лоры Инглз-Уайлдер «Маленький домик в Больших Лесах»: я забрался к ней на колени, и мы вместе прочитали мою первую книгу с главами. У нас столько общего...

Было столько общего.

Рев двигателя заставляет меня вскинуть голову и выпустить кольцо. Окинув взглядом переднее пастбище, я замечаю пикап, который мчится по грунтовой дороге, соединяющей наш дом с двадцать первым шоссе, и поднимает за собой густое облако пыли.

Сердце пропускает удар, когда я узнаю бежевый «Форд F-150», и в моей голове проносятся вихрь вопросов. Что здесь делает Джон Би, наш ветеринар, в такой час? Не припомню, чтобы стаду была нужна медицинская помощь. Неужели это экстренный случай? Он уже приходил выразить соболезнования на этой неделе... Может, решил нас провести?

Я встаю и торопливо вытираю слезы рукавом рубашки. Как вдруг до меня доносится знакомая мелодия, играющая на полной громкости из кабины пикапа: стоит мне услышать вступительные ноты песни *Yellow* группы *Coldplay* – и сердце вновь сбивается с ритма.

Сам не замечаю, как сбегая по ступенькам крыльца и оказываясь на дорожке перед домом. Прикрываю лоб рукой, щурясь в лучах багряного заката, – и чуть не задыхаюсь, а сердце подскакивает к самому горлу.

¹ Более 50 км/ч.

Салли. Моя Салли!

Черт возьми – она все-таки приехала!

Пока пикап огибает поворот и направляется в мою сторону, пульс бешено стучит у меня в висках. О, это точно Салли... Лучшая подруга крепко держит руль обеими руками, а длинные темные волосы развеваются от ветра, падая ей на лицо.

Я улыбаюсь, чувствуя, будто грудь вот-вот разорвется от переполняющих меня эмоций. Никогда в жизни я не испытывал такой радости от встречи! Пикап тормозит прямо передо мной, и ноги обдает теплом от разогретого двигателя. Выключив музыку, Салли одаривает меня улыбкой, отчего на ее левой щеке возникает ямочка.

Я замираю, не в силах вымолвить ни слова. Она *здесь*. Когда она успела стать такой красивой?..

Салли и раньше была милой девушкой, но за время учебы в колледже она превратилась в настоящую красавицу с большими карими глазами и полными, мягкими на вид губами. Щеки розовеют румянцем, вероятно, от жары, а волосы стали длиннее с момента ее отъезда. Волнистые пряди обрамляют круглое лицо, создавая некое подобие ореола, и их каштановый водопад золотом отливает на солнце.

А может, я просто не осознавал, насколько Салли красива, пока она не уехала. Мы не виделись с середины августа, когда родители отвозили Салли в общежитие в Уэйко – тогда она только поступила на первый курс.

– Привет. – Она поднимает упаковку из шести бутылочек кока-колы. – Я привезла колу. У тебя есть *Jack*?

Та самая кола в стеклянных бутылках, как в старые добрые времена! А в красно-белом картонном держателе даже торчит открывалка... Еще в одиннадцать лет мы с Салли сошлись на том, что кола в стеклянных бутылках намного вкуснее, чем в пластиковой или алюминиевой таре.

Острая, почти обжигающая тяжесть вдруг сдавливает грудь и подступает к глазам. Я с трудом прочищаю горло и спрашиваю:

– Что ты здесь делаешь? Разве у тебя сейчас не должны быть экзамены?

Салли – умная девушка и получает полную стипендию в Бэйлорском университете, который считается одним из самых престижных в стране, но до него от Хартсвилла добираться не один час. Она мечтает стать ветеринаром, чтобы пойти по стопам отца, и для нее крайне важно получать хорошие оценки.

Салли позвонила мне сразу, едва узнав о моих родителях, и призналась, что по уши завязла в подготовке к грядущим промежуточным экзаменам. Было ясно, что вырваться на похороны у нее не получится.

Она наклоняет голову.

– Я здесь, чтобы напоить тебя. Очевидно же.

– Моим же алкоголем? – Теперь и я улыбаюсь, несмотря на давящий ком в горле.

Салли бросила все, чтобы приехать сюда. Она бросила все ради меня...

В ее глазах вспыхивает огонек, пока она внимательно изучает мое лицо.

– Я точно знаю, что у тебя где-то припрятана бутылка.

– Так и есть. – Я тянусь к дверной ручке и открываю дверь. – А твои экзамены? Только не говори, что ты ради меня...

– Перенесла их на следующую неделю из-за трагедии, случившейся в семье моего лучшего друга? Все верно.

Я залезаю в пикап и захлопываю пассажирскую дверь.

– Тебе необязательно было это делать.

– Неужели? – Она пожимает плечом и переводит рычаг коробки передач, заводя пикап. – Но я все равно это сделала, так что ты обязан сказать мне, где твой тайник!

– Там же, где и всегда. – Я указываю в сторону сеновала.

Мы молчим, пока пикап подпрыгивает на неровной дороге. Винтовка, спрятанная Джоном Би под передним сиденьем, стучит о мой ботинок. Я наклоняюсь и отодвигаю ее вглубь, чтобы не мешала.

И вдруг на минуту чувствую себя спокойно. Можно представить, словно за прошедший год ничего не изменилось: вечер пятницы, рядом Салли... Мы немного выпьем, послушаем музыку и перемоем косточки нашим школьным учителям. Все просто; жизнь течет довольно монотонно, но в целом складывается отлично.

Мне не удастся отвести от нее взгляд. Я безумно скучал по этой девушке! И вот теперь – просто находиться рядом, даже не обмениваясь словами... Нам не требуется заполнять тишину, она не тяготит меня – напротив, дарит ощущение защищенности. Словно я наконец-то могу позволить себе расслабиться.

Наконец-то могу опустить оборону.

Салли подъезжает к задней стене сарая. Я выпрыгиваю из пикапа и достаю из-под сиденья старого отцовского трактора полупустую бутылку и пачку *Marlboro*.

У меня сжимается грудь. Еще на прошлых выходных, когда я прятал здесь свои запасы, он был жив. А теперь его нет... и я не представляю, как это осознать. Как это принять. Потому что упорно отказываюсь верить, что самый сильный, самый великий и самый способный человек из всех, кого я знаю, мог умереть в мгновение ока.

Я шмыгаю носом, даже не пытаюсь стереть слезы, забираюсь обратно в пикап с сигаретами в кармане и бутылкой виски под мышкой и жду, пока Салли снова переключит передачу и тронется с места. Но вместо этого она поворачивается и сгребает меня в крепкие объятия, совсем не похожие на те вежливые, формальные прикосновения, которыми я обменивался с Лолли и преподобным Фордом на этой неделе.

В ее жарких объятиях я чувствую, как она утыкается лицом мне в плечо, а руки намертво обхватывают шею. Улавливаю аромат цветочного лосьона, которым Салли пользуется, сколько я себя помню.

Будь на ее месте кто-то другой – было бы жутко неловко. Но с Салли я наконец нахожу то, в чем отчаянно нуждался. Плотина рушится, и наружу вырывается всхлип, который я сдерживал... господи, целую вечность.

– Мне так жаль, Уайетт, – до меня доносится ее хриплый голос, приглушенный тканью моей рубашки. – Так жаль. Я не переставала думать о тебе и твоих братьях ни на минуту. Я люблю тебя, и мне так... Боже, мне так больно за вас всех! Я люблю тебя... Я люблю тебя... люблю тебя.

Всхлипы перетекают в неконтролируемые рыдания. Где-то внутри мне дико стыдно, что я так расклеиваюсь: слезы ручьем, нос забит из-за соплей. Однако Салли лишь крепче сжимает меня в объятиях. Мы плачем, прижавшись друг к другу на переднем сиденье пикапа ее отца, и я теряю ощущение времени.

За открытыми окнами щебечут птицы, ветерок колышет пожелтевшую листву на огромных старых дубах, растущих вдоль соседнего пастбища. Где-то вдалеке раздается протяжное мычание коровы, а в воздухе витает землистый запах сена.

Не понимаю, как мир может продолжать спокойно существовать, когда моя жизнь безвозвратно перевернулась с ног на голову. Папа ушел, мама ушла, и теперь я пытаюсь сообразить, а что мне, черт возьми, делать без них.

С трудом восстановив дыхание, я отстраняюсь и стираю слезы большим пальцем.

– Прости.

Салли тоже вытирает мокрые глаза.

– Прекращай извиняться. Со мной можешь плакать сколько угодно: я никуда не денусь, обещаю! Тем более что виски у тебя, а мне после этой бесконечной дороги точно не помешает выпить.

Я издаю короткий смешок.

– Эксплуатируешь лучшего друга? Какой позор.

– А я предупреждала, что колледж меня не изменит!

Я снова смеюсь, и сердце будто разбухает, заполняя всю грудь. Дома я неизменно поднимаю другим настроение: приятно хоть раз поменяться ролями.

Рядом с Салли на душе всегда становится легко. Не нужно играть, притворяться, натягивать на себя чужую маску. Я могу быть собой, могу выглядеть как попало, а она и бровью не поведет.

Кстати, о моем виде: из носа продолжают течь сопли, и я вытираю их рукавом, но это едва ли спасает ситуацию.

– Может, пойдем искупаемся? – неожиданно для самого себя предлагаю я. – Погода вроде отличная, да и мне надо смыть с себя все это безобразие.

– Да, верно. – Салли морщит нос. – Выглядишь не очень.

Я провожу рукой по волосам.

– Ну спасибо, утешила.

– Что? Я просто говорю как есть. Я бы с радостью пошла с тобой купаться, но у меня нет купальника.

Пожимаю плечами, стараясь не обращать внимания на жар, который разливается внутри при мысли о том, что я увижу Салли в лифчике и трусиках. Мне уже доводилось много раз видеть ее в бикини, а это практически то же самое, верно?

– Просто пойдем в нижнем белье. Обещаю, я не буду смотреть.

Ее взгляд на мгновение задерживается на моих губах, прежде чем она быстро отводит глаза.

– Ну и кто ведет себя неприлично?

– Пожалуйста! Ну же, Салли. У меня недавно погибли родители.

– Вот именно! – Она фыркает, одновременно переключая передачу. – Позорище.

По моему лицу непроизвольно расплывается улыбка, и я тянусь за кока-колой.

– Я позабочусь о наших напитках.

Салли врубает музыку на полную громкость, и мы вдвоем, не попадая ни в одну ноту, орем слова песни *Coldplay*, пока едем через ранчо. Она паркуется на нашем обычном месте – на утесе с видом на реку – и глушит двигатель. Я протягиваю Салли бутылку колы, вдыхая полной грудью чистый, прохладный запах речной воды. По дороге я отпил пару глотков из бутылки, освобождая место для виски, но стараясь не переборщить с алкоголем, потому что Салли хоть и любит расслабиться, но терпеть не может ощущения потери контроля.

Я мысленно отмечаю: нужно написать Сойеру, а если он не ответит – Кэшу. Один из них подбросит нас домой, чтобы нам не пришлось садиться за руль пьяными.

Салли делает глоток напитка и с глубоким удовлетворенным вздохом откидывается на сиденье.

– Я так скучала по этому.

За лобовым стеклом открывается поистине завораживающий вид, особенно в это время суток. Река Колорадо извивается среди холмов, словно густая сине-зеленая лента, неторопливо несущая свои воды и отражающая последние лучи солнца. Небо пылает розовыми и оранжевыми тонами, однако у самого горизонта прослеживается кайма фиолетового цвета. А прямо над нашими головами едва заметно проступают очертания туманного полумесяца.

– Без тебя здесь все стало каким-то другим. – *Jack Daniel's* постепенно проникает в кровь, и, возможно, из-за этого я вдруг ощущаю пульсацию в губах.

Салли приподнимает бедра и одергивает крошечные джинсовые шорты. Взгляд задерживается на ее обнаженных бедрах. Ее молочно-белая кожа резко контрастирует с моей – мама любила шутить, что ее сыновья родились сразу загорелыми. Этим мы обязаны годам, проведенным на открытом воздухе под палящим солнцем Южного Техаса.

Салли же, напротив, большую часть детства провела в четырех стенах и упорно училась, чтобы воплотить в жизнь свои амбициозные планы.

И это еще одна, пятимиллионная по счету, причина, почему мне не следует так откровенно ее разглядывать. Моя жизнь навсегда связана с Хартсвиллом, а ее ждет огромный шикарный город, открывающий двери в престижное будущее.

Более того, Салли – моя лучшая подруга с того самого дня, когда она, не раздумывая, врезала кулаком в лицо Биллу Хэнверу, который дразнил меня во втором классе. Я, конечно, не такой умник, как она, но даже мне ясно: наша дружба – это нечто особенное. И как настоящий друг я ни за что не встану у Салли на пути и не помешаю гнаться за мечтами.

Сейчас она нужна мне как никогда прежде. Но именно поэтому я ни в коем случае не должен все запороть из-за того, что испытываю к ней *такие* чувства.

Меня так и подмывает поскорее допить этот *Jack Daniel's* с колой, броситься в воду и притянуть ее к себе. Ощутить, как ее ноги обвивают мою талию...

Смон.

Я быстро хватаю пачку *Marlboro* и спрашиваю:

– Как дела в университете?

– Отлично, как и всегда. По крайней мере, с учебой... И преподаватели мне очень нравятся.

– Но?

– Но иногда я сильно скучаю по дому.

– Это понятно. Здесь твои корни. – Я кладу сигарету в рот и достаю из кармана зажигалку. Она хмурит брови.

– С каких это пор ты куришь?

– С тех пор как все крутые парни начали это делать.

– Отвратительно.

Мой большой палец замирает на колесике зажигалки. Так и не чиркнув по нему, я встречаюсь с ней взглядом.

– Тебя это правда беспокоит?

– Да, меня очень беспокоит, что ты все больше убиваешь себя с каждой сигаретой!

От ее слов у меня в груди что-то сжимается. Салли не все равно... Теперь, когда родителей нет, она, вероятно, единственный человек в целом мире, кому я действительно небезразличен.

Я вынимаю сигарету изо рта и убираю ее обратно в пачку слегка дрожащей рукой. Что за черт? Внезапно меня охватывает острая потребность оказаться на открытом пространстве, почувствовать свежий воздух... Я допиваю остатки напитка, ставлю пустой стакан в подстаканник и тянусь к ручке двери.

– Я иду купаться.

Салли не сводит с меня глаз, пока я выпрыгиваю из пикапа и хватаюсь за ворот рубашки. Затем она высовывает голову из окна:

– Ты же не собираешься, эм, догола раздеваться, да?

– Не-а. – Я стягиваю рубашку и ухмыляюсь. – Ну, почти.

Ее взор скользит по моему обнаженному торсу, прежде чем вернуться к моему лицу. Она смотрит чуть дольше, чем следовало бы. Я тоже не отвожу от нее взгляда – секунду, другую – и вдруг чувствую, будто кожа стала мне на два размера меньше.

Даже на расстоянии в пару футов я ощущаю, как между нами пробегает жар.

Но наверняка это лишь игра моего воображения. Салли не испытывает ко мне подобных чувств: она слишком умна, слишком амбициозна. Парни из маленького городка ее не привлекают. Это все горе и алкоголь – из-за них мое сознание помутилось, а мысли поплыли.

Наконец ее глаза останавливаются на золотой цепочке. Она хмурится:

– Это же...

– Да, мамино кольцо. – Я поднимаю руку и просовываю мизинец в золотое колечко. Оно такое маленькое, что не проходит и через первый сустав. – Мне нравилось... Мне было нужно... Я хотел, чтобы она была рядом. Звучит странно...

– Совсем не странно. Это очень мило. – Салли с трудом сглатывает.

Я знал, что она так и скажет. Она понимает меня так, как никто другой.

Пока я направляюсь к веревочным качелям, свисающим с дерева на вершине утеса, и на ходу сбрасываю обувь вместе с джинсами, оставаясь в одних боксерах, меня не покидает ощущение неловкости. Я хватаюсь за веревку, отступаю на шаг и с разбега прыгаю с края утеса.

Сердце бешено колотится в груди, пока я лечу над рекой. Едва появляется это знакомое чувство, словно желудок проваливается куда-то вниз, я тут же начинаю хохотать как сумасшедший и вопить во весь голос и слышу, что Салли тоже заливается смехом. А потом отпускаю веревку и плюхаюсь в реку.

Вода обрушивается холодным, бодрящим потоком, и я быстро оживаю. Раскидываю руки и ноги, просто наслаждаясь самим существованием. Неподвижно лежу в позе морской звезды несколько мгновений, а затем позволяю себе погрузиться на дно, при этом тонкая цепочка на шее касается моих губ.

Здесь, внизу, есть только я и биение сердца. Никакого опустошающего оцепенения. Никакой боли. Никаких мыслей, кроме одной: *как же хорошо*.

Когда легкие начинают гореть, я резко отталкиваюсь и вынырываю на поверхность, откидывая мокрые волосы с глаз. Солнце уже скрылось за горизонтом, но в голубоватой дымке вечера все еще мерцает мягкий, приглушенный свет.

Озираюсь в поисках Салли на утесе, но ее нигде не видно.

– Ты идешь? – кричу я. – Вода отличная.

– Закрой глаза, – раздается ее крик в ответ.

Замечаю, что веревка туго натянута в сторону берега. Должно быть, она ухватила за нее и теперь ждет своей очереди прыгнуть.

Она тоже разделась? Или поступила разумно – она ведь всегда поступает разумно – и не стала снимать одежду?..

– Закрыл, – вру я.

– Правда?

– Нет.

– Уайетт.

– Ладно, ладно. – Я крепко зажмуриваюсь. – Закрыл.

На миг воцаряется тишина. Затем до меня доносится звонкий, радостный вопль – звук, от которого что-то ёкает прямо в сердце. И я ничего не могу с собой поделать: я открываю глаза и вижу, как Салли летит с утеса, а ее губы растянулись в широкой улыбке.

И тут внутри все обрывается: на ней всего лишь трусики и бюстгальтер. Но хотя бы белые и выглядят вполне невинно.

...Вот только затем она чуть поворачивается, и я отчетливо вижу изгиб ее ягодицы.

Стринги! Я едва не прикусываю себе язык. На Салли, черт меня побери, стринги! И пусть они белые, но по краям отделаны кружевом, как и ее бюстгальтер.

Внезапно я чувствую пульсацию в члене. Боже правый, у меня встает на Салли?

Это немыслимо, мой член не должен вставать на Салли! Что за фигня творится со мной сегодня? Почему я вообще ничего не контролирую: ни тело, ни чувства, ни мысли? Зря я это затеял...

Наши взгляды встречаются буквально за секунды до того, как она врывается в воду.

«А может, это было мое лучшее решение за все время...» – проносится в голове.

– Уайетт, ты лжец! – кричит она, но вопль обрывается, когда она уходит под воду.

Мой пульс отбивает неровный ритм, пока я жду, когда она выплывет на поверхность. Я все жду... и жду...

Меня накрывает волна паники. Загребая ногами, я разворачиваюсь в воде, лихорадочно выискивая лучшую подругу.

– Салли? Это не смешно! Салли! Где...? Ой!

Чьи-то руки сильно толкают меня в живот, заставляя скользнуть по водной глади, а потом в паре футов от меня над водой показывается Салли, точнее только ее голова. Ее карие глаза полыхают огнем.

– За что? – выдыхаю я.

– Ведешь себя как идиот! – Она брызгает в меня водой. – А как же обещание не подглядывать?

Я брызгаю в ответ.

– Я... просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке!

– Заткнись.

– Сама заткнись. – Я снова брызгаю в нее водой.

Она качает головой, а ее тело плавно изгибается в такт движениям рук в воде.

– Почему ты такой?

– Потому.

Салли усмехается.

– Потому что скучаешь по мне?

Гораздо сильнее, чем ты подозреваешь.

– Иногда.

– Всего лишь иногда?

– А ты скучаешь по мне? – я смутно осознаю, что разговор постепенно перетекает во флирт. Это сбивает с толку. И будоражит... И все равно сбивает с толку.

Неужели мы с Салли всегда флиртовали, а я этого не замечал? Или все-таки между нами что-то изменилось?

– Иногда, – отвечает она, и ее губы чуть подрагивают в улыбке.

Меня охватывает внезапное острое желание поцеловать ее.

Я даже не успеваю это обдумать, не успеваю сам нырнуть под воду, только бы не натворить каких-нибудь глупостей, – как Салли опережает меня. Она буквально топчет меня: кладет руки на плечи и с силой толкает вниз. Пока я сопротивляюсь, она выныривает из воды, хохоча во весь голос, и кажется, будто этот смех щекочет мне ребра, отдаваясь в груди.

А когда я оставляю борьбу, то последнее, что я вижу, перед тем как погрузиться под воду, – очертания ее сосков сквозь бюстгальтер.

О боже.

До меня доносится ее залихватский смех, и вопреки страху – а вдруг я и правда внезапно начал влюбляться в свою лучшую подругу? – меня захлестывает ослепительно теплая волна. Я задерживаю дыхание, чтобы не наглотаться воды, и вдруг внутри будто вспыхивает настоящее солнце.

Именно так ощущается каждое прикосновение Салли. Каждый совместный смех. Каждая капля ее любви.

Без раздумий я обхватываю ее за талию и увлекаю за собой под воду – ее тело на ощупь оказывается таким крепким и одновременно мягким. Черт возьми, оно невероятно мягкое...

Я все жду, что Салли вот-вот оттолкнет меня и заставит расцепить руки... но она этого не делает.

Вместо этого она сама кладет ладони мне на талию, так что ее мизинцы оказываются опасно низко. По телу прокатывается волна жара, но мы застываем, не решаясь сделать следующий шаг. Обнимаем друг друга под водой одну секунду, другую, пока я работаю ногами, чтобы нас не утянуло слишком глубоко.

Эта тишина успокаивает, в отличие от раздражающего меня желания.

В сознании упорно крутится одна и та же мысль: между нами все изменилось. Только что произошел какой-то переломный момент.

А в тот самый миг, когда легкие уже готовы разорваться от нехватки кислорода, Салли мягко подталкивает меня к поверхности. Я мог бы вынырнуть сам, но принимаю помощь, крепко держа ее за талию, чтобы и она поднялась вместе со мной.

Мы оба тяжело дышим, когда оказываемся на воздухе. Свет играет на ресницах Салли, очерчивая изгиб ее полных губ, и мое сердце пропускает удар. Она поразительно красива.

– Я правда скучаю по тебе! – выпаливаю я. – Каждую чертову секунду, Салли. Боюсь, что ты обо мне забудешь. Не пойми меня неправильно, я рад, что ты воплощаешь свою мечту. Но... жизнь вдруг так резко изменилась, понимаешь? Родители погибли. А прямо сейчас, рядом с тобой, мне впервые кажется, что я все-таки смогу выжить.

Она быстро моргает, в глазах блестят слезы. Руки скользят вверх по моему торсу и обхватывают за шею. Мы работаем ногами, то и дело задевая друг друга под водой, пока она заключает меня в объятия.

Мозг переключивается от ощущения ее груди, прижатой к моей.

А когда я чувствую, как ее теплые слезы стекают по моему плечу, мое сердце замирает.

– Ты не умрешь, – хрипло произносит она. – Я этого не допущу. И я тоже по тебе скучаю, Уайетт. Иногда... Боже, в университете так одиноко, и я ловлю себя на мысли, что до того сильно хочу вернуться на ранчо, к тебе, что не могу уснуть.

Сердце чуть не выскакивает из груди при мысли, что Салли тосковала по мне не меньше, чем я по ней! Где-то глубоко внутри я боялся, что она вычеркнет меня из памяти, влюбится в какого-нибудь мерзкого типа из братства и не вернется на ранчо.

– Сэл, если хочешь успешно сдавать экзамены, тебе надо высыпаться, – говорю я и сам замечаю, как изменился мой голос. Стал более глубоким. Грубым.

Салли отстраняется, прикусив нижнюю губу, и внимательно вглядывается в мое лицо.

– У меня все в порядке с учебой. Именно поэтому преподаватели разрешили мне перенести экзамены.

– Тебе необязательно было приезжать.

– Ты действительно думаешь, что я позволю тебе пройти через это в одиночку?

От ее слов у меня возникает чувство, будто все внутри тает. Я крепче сжимаю ее в объятиях, едва сдерживая порыв коснуться губами шеи.

– Ты прямо как солнце. Звучит банально, но это правда. Мне становится намного лучше, когда ты рядом.

Она шумно сглатывает.

– Я буду твоим солнцем в любое время, Уайетт.

Мне следует закончить разговор. Поблагодарить свою подругу за доброту, одеться и отвезти ее домой целой и невредимой. Вода меня отрезвила, и теперь я могу сесть за руль.

Но когда я пытаюсь разорвать объятия, руки не слушаются. Когда пытаюсь сказать ей, что нам пора ехать, слова отказываются слетать с моих губ. Все мое существо яростно сопротив-

ляется мысли отпустить эту девушку. Каждая клетка тела вопит мне удержать ее здесь, сделать ее своей!

И в этот миг я отчетливо осознаю: я влюблен в нее. А может, это горе говорит за меня... Или, возможно, виной всему ощущение ее тела, прижатого к моему.

Но в глубине души я понимаю: за какой-то час, а может, и меньше, я влюбился в свою лучшую подругу. Или, вероятно, эти чувства дремали во мне все это время, а сейчас пробудились с небывалой силой.

Но именно потому, что я ее люблю, мне придется отпустить Салли.

Поэтому я не приникаю к ней поцелуем. Не перекидываю через плечо, не выношу из воды и не укладываю на заднее сиденье пикапа. Не открываю ей своих чувств. Не делаю ничего из этого.

Вместо этого я натягиваю на лицо улыбку и заставляю себя оторвать руки от ее талии.

– Пойдем, Солнышко, – выдавливаю я. – Уже темнеет. Пора отвезти тебя домой.

1

Салли

Король сердец

Наши дни – ноябрь

Окидывая взглядом ковбоя по ту сторону бара, я думаю только об одном: черт, как же мне этого не хватало.

Крепкие, загорелые, покрытые татуировками предплечья с рельефными мускулами и выступающими венами – есть. Шляпа *Stetson* и поношенные джинсы *Wrangler*, дополненные белой футболкой, обтягивающей широкую грудь и подчеркивающей огромные бицепсы, – есть. Щетина и неприлично обаятельная ухмылка – есть.

Сердце пропускает удар, когда он отрывается от болтовни с роскошной блондинкой и нацеливает свою ухмылку на меня. Этот ковбой – абсолютная противоположность тем серьезным, самоуверенным до мозга костей парням, с которыми я провела годы в колледже и ветеринарном университете. И поэтому я *здесь*.

Вероятно, именно в этом кроется причина моего самого длинного сексуального застоя в жизни: до этого лета я не тусовалась ни с одним ковбоем.

Ковбои, среди которых прошло мое детство, щедры и честны до невозможности. Они не юлят и не играют в игры, никогда не заставляют тебя сомневаться в себе или чувствовать, будто ты требуешь слишком многого или недостаточно для них хороша, недостаточно крута. За годы учебы я пережила в самых разных местах и сделала один главный вывод: мужчина с такими качествами – большая редкость в современном мире.

Ковбой, сидящий напротив, поднимает два пальца – его версия приветственного жеста.

– Эй, Солнышко.

Я выдавливаю улыбку, чувствуя, как пылает лицо.

– Привет, Уайетт.

После стольких лет я должна была уже привыкнуть к невероятно привлекательной внешности своего лучшего друга, притом что большую часть последнего десятилетия мне пришлось

провести вдали от родного Хартсвилла. Мы с ним дружим уже – господи! – более двадцати лет! Уайетт Риверс мог бы стать для меня кем-то вроде брата.

Вот только неистовая влюбленность, вспыхнувшая еще в подростковом возрасте, не позволяет мне воспринимать Уайетта как брата.

А девушка рядом с ним, словно сошедшая с обложки модного журнала и ловящая каждое его слово, – наглядное доказательство того, почему я не решилась признаться в своих чувствах. Уайетт явно *не* в моей лиге. В школе он всегда был звездой: капитаном бейсбольной и футбольной команд, а я – зубрилой с брекетами, игравшей на скрипке и проводившей свободное время за помощью отцу-ветеринару, который объезжал ранчо по всему округу.

Уайетт по натуре – вольная птица. Или плеейбой – зависит от того, кого спросить.

Не будь он моим лучшим другом, он стал бы идеальным вариантом для мимолетной любовной интрижки. У меня сейчас совершенно нет времени для серьезных отношений: на прошлой неделе я получила предложение о работе мечты в Итаке, в штате Нью-Йорк, а значит, мое пребывание в Хартсвилле подходит к концу. Но пока я здесь, хотелось бы ненадолго вырваться из собственных мыслей и сбросить с кем-нибудь груз напряжения, который накопился за последнее время из-за... да практически из-за всего.

Мой опыт в этой сфере в лучшем случае можно назвать посредственным.

В двадцать один год я лишилась девственности с парнем, с которым встречалась на тот момент, и секс оказался, мягко говоря, скучным. Я испытала оргазм, только когда сама позаботилась о себе. А потом он обвинил меня, сказав, что был бы «более вовлечен», если бы я действовала смелее и сбросила пару килограммов.

Следующий парень настаивал, чтобы я всегда делала ему минет, но сам никогда не отвечал взаимностью. «Мне это не нравится» – вот и все, что он сказал в свое оправдание. И эти простые слова заставили меня почувствовать себя самым отвратительным и непривлекательным человеком на свете. Неужели мое тело *настолько* отталкивает?

А последний мой парень, с которым я встречалась во время ординатуры, около года назад, – он, похоже, вообще не испытывал интереса к сексу со мной. Когда мы занимались им, все происходило быстро и по делу. Я пыталась привнести в наши отношения больше разнообразия: вела себя раскованно, игриво, продлевала прелюдию, но он постоянно твердил, что «слишком устал» из-за изматывающего графика нашей программы. А ведь я тоже проходила ту же программу и тоже уставала, но никогда не чувствовала себя слишком уставшей для секса! В результате его равнодушие вынудило меня усомниться в собственной привлекательности.

Годы сплошных разочарований привели к тому, что в обществе мужчин я неизменно испытываю тревогу и невыносимую неуверенность в себе. Кажется, что я беспрерывно должна следить за каждым словом, за каждым выбранным нарядом, за тем, сколько и что ем. Если бы я могла стать чуть менее *такой* и чуть более *вот такой*, возможно, тогда наконец случилось бы то самое чудо.

Но чуда не произошло, и теперь моя уверенность держится на волоске. Дошло до того, что я настолько стесняюсь бывать в компании парней, что из-за собственных мыслей лишаю себя шанса хорошо провести время. Трачу столько сил, пытаясь соответствовать *некоему* идеалу, что едва могу заговорить с мужчинами, не говоря уже о том, чтобы проявить инициативу. Я не получаю удовольствия от секса, потому что в голове крутится лишь одна мысль: а нравится ли ему? В итоге я просто сдалась и перестала строить отношения.

Прошел почти целый год с тех пор, как я в последний раз была с представителем противоположного пола, и я уже на взводе. Вибратор, конечно, выручает, но он никогда не заменит тех ощущений. Я всерьез опасаясь, что разучилась целоваться... И отчетливо понимаю, что разучилась с кем-либо заигрывать. А главное – я разучилась испытывать *наслаждение*.

Я натягиваю улыбку, когда Таллула – владелица и барменша «Гремучника» – подает мне острую маргариту со льдом в бокале, край которого украшен тонким слоем приправы тахини.

– Откуда ты узнала, что я хотела?..

– Тахини? – Таллула бросает взгляд через плечо на Уайетта. – Наш донжуан заказал его для тебя.

Закатив глаза, я сдерживаю улыбку.

– Ну конечно, это его рук дело. Вот моя карта, можешь оставить счет открытым...

– Он и об этом позаботился. – Она отмахивается от протянутой карточки. – Да ладно, Салли! Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как ты вернулась, так что пора бы понять: пока ты здесь, этот мужчина не позволит тебе ни за что заплатить.

Именно поэтому я часто задаюсь вопросом: а не слишком ли высоки мои требования к мужчинам? Неужели Уайетт с его сильными предплечьями, шляпами *Stetson* и щедростью испортил мне вкус к остальным?

Последние три года я жила в Нью-Йорке, где проходила ординатуру по хирургии крупных животных в университете Итаки. До этого училась в ветеринарном университете в Чикаго, а еще раньше получила степень бакалавра в Уэйко. В тех местах парни угощали меня напитками, но всегда с негласным расчетом: предполагалось, что мы займемся сексом или я хотя бы сделаю им минет. А вот о моем оргазме они задумывались в последнюю очередь, если вообще задумывались.

Ковбои – особая порода людей. И эта мысль не дает мне покоя: что же все-таки ждет меня, когда я в конце декабря вернусь в Нью-Йорк? В мае я окончила ординатуру в Ветеринарной больнице при университете в Итаке и сразу подала заявку на должность хирурга, о которой мечтала всю жизнь. Мы с папой часто представляли, как было бы здорово работать в университете, где можно сочетать практику с преподаванием, а может, даже заниматься исследованиями, которые приведут к прорывам в моей области. А пока я вернулась в Хартсвилл без заветного предложения о работе, чтобы решить, какие шаги предпринять дальше.

Я безумно скучала по Техасу все эти годы и не имела ничего против своего возвращения домой, даже несмотря на то, что пришлось бы жить с родителями. Я люблю свой родной город, и мне нравится здесь работать ветеринаром вместе с папой.

Но на этой неделе мне позвонил мой научный руководитель и предложил должность в университете Итаки, и я сразу же согласилась, хотя от этого разговора у меня скрутило живот. Отличная зарплата, престижная должность, которая позволит мне войти в ряды лучших хирургов страны, специализирующихся на лечении лошадей! Одна только гарантия занятости оправдывает выбор, не говоря уже о реальном вкладе, который я смогу там внести: от проведения операций, спасающих жизни, до обучения будущих коллег тому, как оказывать первоклассную ветеринарную помощь. Папа упоминал, что всегда желал стать таким новаторским хирургом, но его оценки оказались недостаточно хороши, поэтому мечта так и не осуществилась, о чем он до сих пор сожалеет.

Я приступаю к работе первого января. А это значит, что у меня в запасе остается не так уж много вечеров «только для женщин» в «Гремучнике». И совсем немного дней, чтобы насладиться общением с ковбоями, а потом вернуться в университет удовлетворенной и спокойной, готовой воплощать свои мечты в жизнь.

Иными словами, получив предложение о работе, я всерьез взялась за поиски ни к чему не обязывающей интрижки с ковбоями. Из-за сплошных разочарований моя тревожность взлетела до небес, но, думаю, как только выдохнется мое увлечение симпатичными парнями в джинсах, я буду готова вернуться в Нью-Йорк и наконец-то смогу с энтузиазмом предвкушать новую главу своей жизни.

Любовь – это определенно то, что я ищу в долгосрочной перспективе. В своих грезах о будущем мне всегда представляется рядом тот партнер, который разделит со мной как счастливые, так и трудные моменты. Кто-то, с кем можно создать семью и прожить всю жизнь бок о бок до глубокой старости.

Но пока мне просто необходимо выпустить пар.

– Спасибо за напиток! – кричу я Уайетту, бросая на него многозначительный взгляд.

Он лишь пожимает плечами, по-прежнему ухмыляясь.

– Сегодня же ваш вечер. За тебя, Салли.

«Гремучник» – буквально единственный бар в Хартсвилле, поскольку другого в городе просто нет, поэтому нет ничего удивительного в том, что во вторник уже к половине шестого здесь собралась огромная толпа. Помещение с липким полом и обшитыми вагонкой стенами и потолком гудит от разговоров, а из динамиков гремит кантри-музыка. Я понимаю, что предвзята, но все-таки атмосфера здесь неповторимая, какой мне еще не доводилось ощущать в других местах. В воздухе витает особая энергия, острое чувство предвкушения, которое словно обещает, что тебя ждет по-настоящему замечательный вечер.

Сколько себя помню, по вторникам в «Гремучнике» всегда проводился вечер «только для женщин», и владелица Таллула по такому случаю наливает текилу со скидкой в пятьдесят процентов.

Мне не всегда удастся сюда выбраться. Наши дни начинаются ни свет ни заря: папа заваривает кофе уже в четыре утра, а вскоре после завтрака мы обычно выходим из дома и отправляемся с первым из множества намеченных у него визитов.

К пяти вечера, когда пора ужинать, я валяюсь с ног от усталости. Но сегодня либидо победило. Нельзя же всю жизнь проводить только за работой и сном, отказывая себе в удовольствии провести время с ковбоем! И то, что я в последнее время довольно часто встречаю Уайетта – который работает ковбоем на ранчо «Лаки Ривер», где отец заботится о стаде и лошадях, – довело мое сексуальное напряжение до нового уровня.

Потягивая «Маргариту», я наблюдаю, как Уайетт заставляет рассмеяться симпатичную блондинку, одновременно угощая напитоком другую девушку – на этот раз рыжеволосую. А вскоре, с бутылкой *Shiner Bock* в руке и с улыбкой на губах, он встречает и третью девушку, подошедшую к нему. Очевидно, они знакомы. Уайетт произносит какую-то фразу, отчего она хихикает, а затем заключает ее в крепкие и недвусмысленные объятия. Она поднимается на цыпочки, всем телом прижимаясь к нему.

Справедливости ради, он высокий парень – шесть футов два дюйма², – с длинными ногами и такой широкой грудью, что она могла бы вызвать слезы восхищения у любого голливудского кастинг-директора. При моем росте пять футов три дюйма³ мне, по сути, приходится подпрыгивать, чтобы обнять Уайетта.

Женщина задерживает его в объятиях чуть дольше положенного, прежде чем отступить; ее ладонь остается лежать на его груди, в то время как его рука продолжает обнимать ее за талию. Он что-то произносит, и она заливается смехом, а две другие девушки терпеливо ждут, пока он снова обратит на них внимание у барной стойки.

Честно говоря, Уайетт серьезно заблуждается насчет своей «солнечной метафоры». Это он – настоящее солнце. Мы всего лишь движемся по своим орбитам вокруг него, ожидая своей очереди погреться в лучах его тепла и внимания.

Я с изумлением наблюдаю, как он без труда вовлекает третью девушку в разговор с первыми двумя. Теперь Уайетт рассказывает какую-то историю, и *все* девушки хихикают. Блондинка игриво хлопает его по плечу, а он в ответ кокетливо толкает ее локтем.

Этот мужчина – мастер своего дела.

Он умеет веселить, не опускаясь до пошлых шуточек. Настойчив, но не навязчив. Чувствуется какая-то непринужденность в том, как Уайетт очаровывает этих девушек, и непоколебимая уверенность в каждом его движении – и это выглядит смертельно притягательно.

² 188 см.

³ 160 см.

Без сомнения, этой ночью Уайетт не останется один. Подавляя острый укол ревности при мысли о том, что он может увезти домой *любую* из присутствующих здесь женщин, я усилием воли заставляю себя отвернуться.

К моему облегчению, именно в этот момент в «Гремучник» заходит моя подруга Молли, которая по стечению обстоятельств также является работодателем моих родителей, поскольку владеет ранчо «Лаки Ривер». За ней следует Кэш – ее жених и старший брат Уайетта.

Молли, как и всегда, одета с иголки: короткая юбка и ковбойские сапоги металлически-фиолетового оттенка. А Кэш, как и всегда, обнимает ее за плечи, напоминая всем гостям бара, кому именно принадлежит эта женщина.

С улыбкой я машу друзьям. Сейчас, глядя на их приторно-сладкую любовь, невозможно поверить, что всего несколько месяцев назад они терпеть не могли друг друга. Поразительно, как быстро все может измениться.

– Мне жаль, что он здесь, – Молли одаривает Кэша улыбкой. – Я понимаю, что мы договаривались провести этот вечер по-другому, но...

– Но кто-то ведь должен позаботиться о том, чтобы вас никто не донимал, – голос Кэша звучит хриловато, но взгляд, устремленный на Молли, полон тепла.

Сегодня днем, решив, что у меня найдется второе дыхание и я все-таки попробую заглянуть в бар, я попросила Молли помочь мне. Она уже подцепила симпатичного ковбоя, так что, думаю, мне есть чему у нее поучиться. Мы с ней сблизились с тех пор, как я вернулась домой. К тому же она всегда готова хорошо провести время.

– Кэш, я уверена, что Салли именно за этим и пришла сюда, – Молли наклоняет голову. – Чтобы ее донимали симпатичные парни.

– Тогда я прослежу, чтобы это были подходящие парни. – Кэш бросает взгляд через бар на Уайетта и качает головой. – Мой брат уж точно к их числу не принадлежит. С кем это он там разговаривает?

Молли прищуривается.

– Не знаю. Видимо, его сегодняшние фаворитки.

– Скорее фаворитки на час, – бормочет Кэш.

Я выдавливаю улыбку, глядя на старшего из братьев Риверс.

– Пожалуйста, скажи, что у тебя есть друзья, которых ты могла бы мне представить.

Отойдя от Кэша, Молли берет меня под руку и оглядывает толпу.

– Сегодня здесь есть несколько симпатичных парней.

– Эй, – вмешивается Кэш.

Молли лишь отмахивается от него.

– Ой, да ладно, мы оба знаем, что ты самый симпатичный. И самый ворчливый, но это к делу не относится.

Она недалеко от истины. Мне нравится Кэш, но он действительно часто ворчит.

Впрочем, с тех пор как они с Молли стали парой, Кэш стал почти приятным в общении, ну, насколько это вообще возможно для Кэша.

Видите? Вот он – результат потрясающего секса! И возможно, любви тоже, но не стоит ставить телегу впереди лошади.

Мне нужен реальный, а не выдуманный секс, как бы грубо это ни звучало. Пора воспользоваться тем, что я нахожусь в такой близости от множества потрясающих парней с огромными руками и еще более огромными... сердцами. Время моего пребывания в Техасе не бесконечно, а значит, пора брать быка за рога.

Моих ног сзади касается поток прохладного воздуха. Я оборачиваюсь и вижу, как в бар уверенным шагом заходит широкоплечий мужчина в ковбойской шляпе и полосатой рубашке на пуговицах.

Сердце невольно замирает. Это Бек Уоллес, тренер лошадей, который работает на своем семейном ранчо примерно в двадцати милях отсюда. Он невероятно красив. Пусть мужчина и уступает в росте парням из семьи Риверс, но его загорелая кожа, атлетичное телосложение и шляпа Stetson создают неотразимое впечатление. Густые темные волосы и небрежно подстриженная борода с усами лишь подчеркивают его обаяние.

Когда он одаривает меня улыбкой, я чувствую, будто под кожей вспыхивают искры.

И одновременно замечаю, что уже погружаюсь в водоворот мыслей. Стоит ли изображать из себя недотрогу или лучше смело подойти и начать разговор? Привлечет ли его девушка, излучающая уверенность? Или ему по душе та, за кем придется поохотиться?

Эти вопросы, вкупе с неудержимым желанием произвести безупречное впечатление, наполняют сердце тревогой. Мы еще не обменялись и парой слов, а я уже его боюсь. Уже чувствую себя... побежденной и отчасти опустошенной.

Молли притягивает меня ближе:

– Просите, и дано вам будет!⁴ Пойдем, давай поздороваемся.

Не успеваю я и слова вставить, как она уже увлекает меня к Беку.

Хоть мы с ним росли в одних кругах, но, поскольку ранчо его семьи находится в другом городе, мы не ходили в одну школу. Наше официальное знакомство состоялось лишь около месяца назад, когда Бек доставлял лошадь на ранчо «Лаки Ривер», купленную Кэшем. В тот же миг я немного прониклась к нему симпатией.

Бек – обаятельный парень. К тому же настоящий профи в своем деле. Осмотрев лошадь, я убедилась, что Бек и его семья занимаются разведением одних из самых лучших лошадей породы кватерхорс по эту сторону Скалистых гор.

Нет причин волноваться перед встречей с ним. Впрочем, я нервничаю в компании любых парней. Кроме Уайетта, разумеется, – но он не в счет. Думаю, я глубоко усвоила одну мысль: поскольку Уайетт намного привлекательнее и круче меня, у меня нет ни единого шанса привлечь его внимание. А значит, я могу вести себя непринужденно рядом с ним. В его присутствии я не испытываю ни намека на внутреннюю скованность. И не анализирую каждое свое действие, как сейчас.

Немаловажно и то, что мы с Уайеттом выросли вместе. Между нами установилась особая душевная близость, чувство товарищества, и я надеюсь, что оно останется с нами навсегда.

Мне удастся изобразить улыбку, когда Бек протягивает руку, очевидно, приглашая меня в объятия.

– Привет, милая! Как у тебя дела?

Миллион мыслей проносится в моей голове, пока я утопаю в его зеленых глазах. Что именно произошло между Уайеттом и той блондинкой? Прижаться ли к груди Бека? А вдруг у меня слишком большие сиськи? Но, кажется, ему по душе мои формы. А какому парню не нравится такой размер? Однако я не желаю подать ему ложный сигнал. Хотя, постойте, на самом-то деле я как раз хочу подать ему этот сигнал! Разве не за этим я сюда пришла? Я не могу вечно оставаться «хорошей девочкой», ведь хороших девочек не укладывают в постель после первой встречи. Но если я не буду играть роль хорошей девочки, захочет ли он увидеть меня снова?

Молли выжидающе смотрит на меня.

– Привет. – Кожа на затылке покалывает от нахлынувшего жара, пока я изо всех сил стараюсь скопировать плавные, непринужденные и кокетливые объятия той блондинки. Сделав шаг вперед, приподнимаюсь на цыпочки, и Бек моментально отшатывается.

– Ой.

⁴ Ask and you shall receive (англ.) – библейское обещание из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Евангелие от Матфея 7:7, Луки 11:9).

Опускаю глаза и с ужасом осознаю, что наступила ему на ноги. Причем на обе сразу.
Черт возьми – великолепное начало.

Мое лицо пылает, когда я отпрыгиваю в сторону.

– О боже, мне так жаль...

– Да не переживай. Если ботинки после «Гремучника» не поцарапаны, получается, ты здесь не повеселился как следует.

– Аминь, – подхватывает Молли и бросает на меня многозначительный взгляд. – Надеюсь, это значит, что мы увидим тебя на танцполе, Бек? Сегодня Салли взяла перерыв от роли главной звезды. – Она кивает в сторону пустой сцены на другом конце бара.

Моя мама – барабанщица в «Фриски Виски», местной группе, которая играет здесь каждый вечер по пятницам. Когда я приезжаю в город, то частенько помогаю им в качестве бэк-вокалистки и скрипачки.

– Едва ли я звезда, – отвечаю я.

– Я видел тебя на сцене и знаю, как ты отдаешься делу. Ты великолепна. – Бек по-прежнему улыбается мне – хороший знак. – У меня нет ни малейших музыкальных способностей, поэтому я восхищаюсь теми, кто умеет петь или виртуозно играть на инструменте.

Я сглатываю, «спасибо» уже готово сорваться с языка, но внезапно тахитии застревает в горле. Дыхание перехватывает, глаза тут же наполняются слезами, и я поспешно делаю очередную глоток текилы, изо всех сил стараясь сдержать кашель.

Тщетно. Из груди вырывается громкий кашель, вынуждая даже Уайетта оторваться от своего трио – или, наверное, их уже можно назвать квартетом, если считать его самого. Он хмурит брови и беззвучно спрашивает: «Ты в порядке?»

Я поднимаю большой палец вверх.

– Все хорошо. Просто не в то горло попало.

– С тобой точно все нормально? – Брови Бека сходятся на переносице. – Я принесу воды, если нужно.

Я качаю головой.

– Вода – это последнее, что мне сейчас нужно.

– Уверена?

– Да. – Я допиваю остатки «Маргариты», размышляя, а в какой момент общение с мужчинами из веселья превратилось в нечто совершенно противоположное. – Я совсем расклеилась, так что мне требуется что-то покрепче. Ну чтобы...

– Немного расслабиться? – Молли бросает на меня взгляд, и застывшее в нем сочувствие вызывает у меня желание провалиться сквозь землю.

– Да, именно это я и имела в виду. День выдался долгим. То есть у всех нас бывают такие дни, разве нет? Здесь дни всегда долго тянутся. И они бывают изматывающими. Не то чтобы я против чего-то долгого и изматывающего. Я просто... ой. О боже, это... прозвучало совсем не так, как я думала. Я всего лишь хотела сказать, что иногда какие-то вещи мне нравятся именно потому, что они долгие и изматывающие...

– Давай-ка лучше возьмем тебе еще «Маргариты». – Молли увлекает меня в сторону бара и, обернувшись, улыбается Беку. – Мы сейчас вернемся.

2

Уайетт

Убийца ковбоев

По левую руку от меня сидят две девушки, по правую – еще одна. На них приятно смотреть, а болтать – одно удовольствие, однако мое внимание приковано лишь к той, что находится по другую сторону барной стойки. И выглядит она так, будто ее сейчас стошнит.

Бар «Гремучник» выстроен в форме подковы, и мое привычное место у задней стены предоставляет мне отличный обзор противоположной стороны барной стойки. Именно там находится Салли: она поддерживает голову рукой и часто моргает, в то время как ее щеки пылают ярким румянцем.

Желудок скручивается в узел. Проклятье, она расстроена? Почему? Что там произошло с Бекон Уоллесом?

Я заметил, как Молли утащила Салли в сторону. Или, может, мне просто хочется верить, что Салли именно утащили. Бек, конечно, хороший парень, но это вовсе не значит, что он достоин моей лучшей подруги.

– Уайетт, – обращается ко мне Брианна, сидящая справа, – ты уже нашел себе пару на потлак⁵?

Я потягиваю пиво, не сводя взора с Салли. Девушка что-то говорит Молли, которая держит руку у нее на плече. Салли поднимает глаза, и я выдыхаю с облегчением, не увидев слез. Хотя выглядит подруга все равно неважно. Я понимаю, что она не обрадуется моему вмешательству – еще утром в сообщениях она дала понять, что желает провести вечер с Молли, – но, черт возьми, меня так и подмывает сорваться с места, подойти и разобраться, что там у них стряслось.

– Нет, пока нет. А вы, леди?

⁵ Формат вечеринки, популярный в США, когда каждый гость приносит с собой приготовленное дома блюдо, чтобы поделиться с гостями.

Ежегодно горожане Хартсвилла собираются, чтобы устроить благотворительный ужин. Надевают лучшие наряды, приносят приготовленные блюда и участвуют в тихом аукционе, делая ставки на различные лоты, пожертвованные жителями города, чтобы собрать деньги для нашего местного приюта для животных.

Губы Кейтлин слегка подрагивают в улыбке.

– Тоже нет.

– Я чертовски одинока, – подает голос Леннон, рыжеволосая девушка, работающая в аптеке по соседству. – И с удовольствием пошла бы на благотворительный ужин, но меня никто не приглашает. Не хочешь это исправить, Уай?

Я никогда не ходил на этот благотворительный ужин в основном потому, что он немного чопорный на мой вкус. Но Леннон мне нравится: она веселая, хотя сейчас страдает от безответной любви к наезднику на быках, проезжавшему через наш город несколько месяцев назад. Говоря иначе, она идеальная кандидатка – не ищет серьезных отношений, но всегда готова повеселиться.

Однако вечер Салли, без сомнения, складывается неудачно, и все мои мысли заняты только ей. Да, возможно, она разозлится из-за моего вмешательства, но мне плевать, потому что оставаться в неведении уже невыносимо.

Мой взгляд падает на татуировку с изображением восхода солнца, украшающую мое левое предплечье. Салли как-то мимоходом заметила ее, но она даже не подозревает, что это тату посвящено ей. То же касается и второго – на моей ноге, которое куда красноречивее говорит о моей одержимости лучшей подругой.

– Прошу прощения, леди. – Я кладу руку на бок Кейтлин в тот же миг, когда она касается моего живота. – Я сейчас вернусь.

– Обещаешь? – с лукавой улыбкой спрашивает Леннон.

Я ухмыляюсь в ответ.

– Обещаю. И вы тут без меня не разговаривайте с незнакомцами, понятно?

– Даже не рискну, – отвечает Брианна.

Мне требуется минута, чтобы пробраться сквозь толпу. «Женский вечер» в самом разгаре, и «Гремучник» забит до отказа. Ничего удивительного. Соотношение мужчин и женщин в Хартсвилле примерно десять к одному – таковы результаты моего сугубо (не)научного исследования нашего городка, где доминируют ранчо и мужчины. Так что можно смело ставить на кон последний цент: сегодня вечером здесь все без исключения ковбои, работники ранчо и кузнецы пришли с одной целью – подцепить кого-нибудь.

Я не склонен кого-либо осуждать. Но, признаться, никогда прежде не испытывал столь острой потребности в мимолетной интрижке, как сейчас. Девушка, в которую я влюблен уже двенадцать лет, та, прикосновение которой мне не суждено ощутить, вернулась в родной город еще в конце августа. И ее постоянное присутствие пробуждает во мне такую душевную боль, какой я не чувствовал уже очень давно.

За последние десять лет Салли неоднократно возвращалась в Хартсвилл. Она приезжала на осенние и весенние каникулы или на неделю-другую между стажировками летом. Однако сейчас – впервые с того момента, как нам исполнилось восемнадцать, – она осталась в городе надолго.

И вполне возможно, это происходит в последний раз. С тех пор как она получила работу своей мечты, Джон Би без конца рассуждает о том, какой след она оставит в практике ветеринарной хирургии. Полагаю, это означает, что у нее едва ли найдется время, чтобы навещать нас, простых смертных. При одной мысли о том, что Салли может не появляться здесь *годами*... Да, меня охватывает эгоистичное желание наконец сделать ее своей.

Но это неправильно и, черт возьми, несправедливо. Салли и я никогда не были предназначены друг другу. Я – простой парень, который любит свою семью и родной город. Риверсы

глубоко пустили корни в Хартсвилле: более века назад мой прапрадед купил землю, на которой потом появилось наше ранчо, и с того времени она неизменно остается в собственности семьи. Мои родители невероятно гордились нашим наследием и были твердо намерены передать его мне и моим братьям.

Я не желаю покидать эти места, а даже если бы захотел, то сомневаюсь, что сумел бы это сделать. Я буду скучать по своим братьям – хотя большую часть времени они те еще занозы в заднице. К тому же уехать из Хартсвилла означало бы оставить позади воспоминания о родителях: они словно продолжают жить в людях и уголках этого города, которые когда-то любили, и никакое богатство мира не сможет этого заменить.

После их смерти ранчо нашей семьи пришло в упадок. Мы с братьями просто не могли позволить себе его содержать, поэтому в итоге стали работать на ранчо «Лаки»: это давало нам возможность зарабатывать средства и сохранять нашу собственность. Сердце разрывалось при виде того, как наша земля приходит в запустение, и мы мечтали однажды вернуть ее к жизни.

Теперь мы с братьями наконец можем воплотить давние мечты в реальность. Когда Молли и Кэш уладили свои разногласия и влюбились друг в друга, они решили объединить соседнее владение ее семьи, ранчо «Лаки», с нашими родовыми землями, ранчо «Риверс», образовав новое ранчо под названием «Лаки Ривер». В девяностые годы отец Молли, Гарретт, обнаружил на их землях нефтяное месторождение и быстро разбогател, благодаря чему сегодня Молли с Кэшем могут провести срочные ремонтные работы на участке «Риверс».

Нет нужды говорить, что я родился в Хартсвилле и здесь же умру. И все же в глубине души я задаюсь вопросом: как бы я поступил, если бы Салли попросила меня переехать с ней в Нью-Йорк? Пусть вероятность этого ничтожно мала, но подобные мысли время от времени посещают меня.

Я часто сожалею, что тогда у реки, двенадцать лет назад, не осмелился поцеловать свою лучшую подругу. Возможно, она ответила бы взаимностью. Возможно, мы нашли бы способ быть вместе и, возможно, были бы вместе до сих пор. Были бы женаты. Жили бы в нашем доме, построенном на моей родовой земле, с нашими детьми и собаками. Но для осуществления этой мечты мне пришлось бы преодолеть страх впускать людей в свою жизнь, открыть сердце другому человеку, пусть даже лучшему другу.

А боль утраты любимого человека поистине невыносима. После смерти родителей я долго не мог прийти в себя, меня поглотила глубокая депрессия, длившаяся годами. И я вновь ощутил вкус этой тьмы после смерти Гарретта в начале этого года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.